

ЧЁРНЫЙ СТУДЕНТ

Курьерский поезд летел с сумасшедшей быстротой, перерезывая широкий американский континент от одного океана к другому. Ландшафты и виды центральных штатов бесконечной чередой сменяли друг друга: большие города со множеством фабричных труб, над которыми висели тучи чёрного дыма; деревни с красивыми коттеджами, вымощенные камнем, освещённые электричеством; бесконечные пшеничные и кукурузные поля, окаймлённые живыми изгородями; леса и сады, озёра и реки, то широкие и спокойные, то узкие, тенистые, своенравно прыгающие с камня на камень. Менялись и пассажиры, хотя их гладко выбритые лица, пиджаки, купленные в магазине готового платья, и маленькие рыжие чемоданчики с патентованным замком походили друг на друга больше, чем ландшафты. Впрочем, к западу от Омаги и это однообразие стало исчезать; мы въехали сначала в усатую, потом в бородатую страну, где джентльмены не считают несообразным с их достоинством носить на лице украшение, дарованное им природой. Каждый взгляд внезапно приобрёл своё особое выражение, полустёртое городской цивилизацией на американском востоке. Даже длинные фигуры и худощавые лица переселенцев из Новой Англии неожиданно стали характерно выделяться, как ходячие карикатуры, на фоне воловых затылков и одутловатых красных щёк, принадлежавших зажиточным фермерам. Постепенно характер местности тоже изменился. Деревни стали реже, возделанные поля исчезли; вместо зелёных всходов пшеницы явились кусты седоватой полыни и жидкие пучки степной травы, скудно прораставшие из сухой и малоплодородной песчаной почвы. В воздухе стало холоднее, на горизонте обрисовалась линия голубоватых гор с белыми прожилками, обозначающими ещё не стаявшие снега. Мы поднялись на высокую плоскую пустыню, которая некогда разделяла обе половины Америки хуже всякой китайской стены и даже теперь, черерезанная пятью магистралями железных дорог, оживилась очень мало. Станции, попадавшиеся на дороге, приняли убогий вид. Жалкие посёлки, носившие громкое название "Сити", имели какой-то временный характер. Здесь жили современные американские кочевники, которые привыкли при первой неудаче бросать ненасиженное место и переходить за сотни миль, складывая свой багаж, вместо верблюдов и лошадей, на платформы железной дороги. Многие дома, сшитые из тонкого теса, напоминали палатки. Зато на каждом шагу виднелись вывески "салонов", т.е. попросту кабаков, с разными замысловатыми девизами. "Встреча смелых", "Салон золотых ребят", "Свидание рудокопов" и т.п. Местами в отдалении от полотна дороги забелели настоящие палатки золотоискателей; одежды проезжающей публики сделались проще и грубее. Белые манишки и воротнички с модным перегибом заменились фланеровыми рубашками. Вместо блестящих цилиндров появились мягкие поярковые шляпы с широчайшими полями. Замелькали лица, пораженные выражением необузданной смелости, мрачные взгляды из-под насупленных бровей, статные фигуры, сильные и ловкие от постоянных скитаний по горам. Иные лица и фигуры до странности напоминали сибиряков из-под какого-нибудь Барнаула или Нижнеудинска. Те же широкие, неуклюжие спины, лохматые волосы, нос картошкой, круглые серые глаза. Несколько раз мне положительно казалось, что я вижу старых знакомых: Ивана Тридцати Восьми Лет, Ваську Сохатова или Алексея Пушных. С иными я был готов заговорить на моём родном наречии, но они перекашивали рот и вместо широкой и сочной русской речи испускали глухие и неопределённые англо-саксонские звуки, похожие на скрип испорченной шарманки; и я умолкал и проходил мимо. Наконец, у подножия Скалистых гор появились и индейцы, жалкие, ободранные, кое-как прикрытые шерстяными одеялами, грубыми и красными, как попоны. От них пахло водкой и дешёвыми сигарами, и они протягивали руку к пассажирам, прося милостыню. Женщины их копошились у разодранных шатров, несколько полунагих ребятишек копались в песке. Трудно было представить себе этих жалких париев верхом на коне и с оружием в руках. Даже нищие цыгане на Таганрогской ярмарке, которых я видывал в детстве, выглядели лучше и чище.

В нашем спальном вагоне население, впрочем, не менялось, так как тут собрались пассажиры, ехавшие прямо в С.-Франциско. Был тут седой негодичный почтенного вида с такой же седой женой, сохранившей, однако, следы прежней красоты, и хорошенькой девятилетней дочкой. Это был один из "сорок девятих" как называют в Калифорнии переселенцев, которые хлынули туда со всех сторон после открытия золота в 49-м году. Когда-то и он пришёл в Калифорнию пешком сзади телеги, на которой были сложены пара мотыг и заступ. Но теперь всё это было давно забыто, и он был собственником нескольких очень выгодных линий